

ФАКТОРЫ ОЦЕНКИ РИСКА ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Андрей Александрович Иванов

*Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины,
г. Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 24 января 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 01 июня 2016 г.</p>	<p>Аннотация: В современных условиях становления новой конфигурации международных отношений вооруженная агрессия по-прежнему остается не только популярной альтернативой дипломатическому урегулированию конфликтов, но и одной из постоянно совершенствуемых насильственных практик. Место войн на международной арене все активнее занимают терроризм, геноцид, интервенция и т.д. Иностранное военное вмешательство в дела суверенных государств в настоящее время получает все более широкое распространение, поэтому противодействие попыткам интервенции на данный момент входит в число приоритетных задач государства, так как от эффективности этой деятельности нередко зависит существование страны.</p>
<p>Об авторе: к.и.н., доцент Кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины e-mail: ivanova85@list.ru</p>	
<p>Ключевые слова: индикаторы; интервенция; конфликт; нестабильность.</p>	

Изучение интервенции с теоретической точки зрения является для отечественной науки сравнительно новой темой. Несмотря на то, что некоторые случаи иностранного военного вмешательства во внутренние дела независимых государств (Кореи, Греции, Вьетнама и т.д.) нашли отражение в исследовательской литературе, на данный момент сложно говорить о существовании общей теории, способной объяснить сущностные черты таких операций. Этот факт не может не вызывать озабоченности, если учесть, что еще в 1874 году в книге «Начало невмешательства» профессором Л.А. Камаровским был поставлен вопрос о необходимости создания общей теории интервенций. Он считал, что отвергать возможность существования такой теории могут только «люди мало знакомые с природой государства и законами»¹, однако до настоящего времени

обращения исследователей к этой теме были достаточно редкими. В результате, описания отдельных вмешательств мировых держав во внутренние дела различных государств, представляющих собой совершенно особый вид внешнеполитических конфликтов, не позволяют до конца понять ни общие причины и цели осуществления всех этих интервенций, ни специфические средства, используемые для достижения этих целей, ни систему отношений, возникающих между противоборствующими сторонами. Для понимания основных характеристик интервенции необходимо, в первую очередь, выявить черты, отличающие данный вид конфликтов от иных форм межгосударственного противостояния.

В рамках современных научных концепций все больше специалистов склоняются к идее, что интервенцией можно называть лишь операцию, которая проводится

¹ Камаровский, Л.А. Начало невмешательства / Л.А. Камаровский. – М., 1874. – 300 с. – С. 1. [Kamarovskii L.A. Nachalo nevmeshatel'stva

(The Origins of Non-intervention). Moscow, 1874. P. 1].

в странах, где уже существуют серьезные внутривнутриполитические противоречия, либо перешедшие в фазу вооруженной борьбы, либо имеющие тенденцию к этому. В этом состоит ее коренное отличие от вторжения, которое в основном направлено против внутренне стабильных государств, и имеет своей целью, как раз, дестабилизацию положения в них для извлечения выгоды (территориальных захватов, наложения контрибуции, распространения влияния и т.д.). Применительно к интервенции, можно наблюдать совершенно противоположную картину – как выразился известный американский политолог С. Хантингтон, «политические причины, провоцирующие военную интервенцию... лежат в области отсутствия или низкого уровня эффективности политических институтов»², то есть внутренняя слабость, а вовсе не сила, государства создает предпосылки для иностранного вмешательства. Более того, военные интервенции «происходят не в вакууме, и никогда не были абсолютно неожиданными», «они рождаются из череды серьезных политических кризисов»³ в далеко не благополучных странах. К моменту введения иностранных войск на территорию независимого государства, легитимность действующей власти в нем уже находится под сомнением, как это было на Кубе в 1906 году или в Советской России в 1918 году. И хотя зарубежные интервенции также часто направлены на извлечение выгоды, но предполагают ее получение за счет урегулирования конфликтов на определенной территории, а отнюдь не их провоцирования или эскалации.

На данную особенность обращали внимание многие ученые. Например, исследователи из США С. Бланк и Л. Гринтер пришли к выводу, что «с 1775 года в каждой крупной гражданской войне или революции международная интервенция играла или стремилась играть огромную роль»⁴. Вторил им и

сотрудник американского Стратегического исследовательского центра К. Пол, указывая на тот факт, что интервенция рождается как ответная реакция на какой-либо непредвиденный кризис, могущий привести к неприемлемым последствиям, а потому требующий немедленных действий»⁵.

Профессор Оксфордского университета А. Робертс выделил 8 основных причин интервенций, имевших место в истории международных отношений: помощь законному правительству в условиях гражданской войны; ответная интервенция (контр-интервенция); защита собственных граждан в другой стране; самозащита; поддержка нации или колонии в борьбе за самоопределение; препятствие беспорядкам и терроризму; предотвращение массового нарушения прав человека⁶. Как видно, почти все эти причины связаны с наличием в стране, подвергшейся интервенции, вооруженной борьбы между различными группами.

Другой крупный западный исследователь этого феномена – профессор Гарвардского университета С. Хоффманн – также видел прямую взаимосвязь между внешней интервенцией и внутренними конфликтами. В книге «Мировой беспорядок» 1998 года издания он утверждал, что двумя основными причинами, создающими необходимость иностранного военного вмешательства в дела суверенного государства, могут быть либо угроза международному миру со стороны какого-либо государства, либо массовое нарушение в нем прав человека⁷. Оба эти фактора прямо характеризуют степень конфликтности политического режима.

Эта особенность достаточно ярко выражена в докладе «Международной комиссии

E. Conflict, Culture, and History: Regional Dimensions. Maxwell Air Force Base: Air University Press, 1993. P. 5.

⁵ Paul, Christopher. *Marines on the Beach: The Politics of U.S. Military Intervention Decision Making*. Westport: PSI, 2008. P. 71.

⁶ Roberts, Adam. *Beyond «Dictatorial Interference»/ The Empire of Security and the Safety of the People / Ed. by W. Bain*. London: Routledge, 2006. P. 161.

⁷ Hoffmann, Stanley. *World Disorders: Troubled Peace in the Post-Cold War Era*. Lanham: Rowman and Littlefield, 1998. Pp. 161-164.

² Huntington, Samuel. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968. Pp. 195-196.

³ Kapetanyannis, Konstantinos. *Socio-Political Conflicts and Military Intervention. The Case of Greece: 1950–1967*: PhD Thesis. London, 1986. Pp. 317, 335

⁴ Blank, Stephen J.; Grinter, Lawrence E.; Magyar, Karl P.; Ware, Lewis B.; Weathers, Bynum

по гуманитарной интервенции и государственному суверенитету» 2001 года. В документе главными причинами возможного военного вмешательства в конфликт были названы неспособность государства защитить граждан и массовые потери среди населения (геноцид, «этнические чистки» и т.д.), а условиями интервенции провозглашались: преследование благих намерений; соответствие масштабов цели используемым средствам; исчерпание возможностей мирного урегулирования; гарантии достижения положительных результатов.

Фактически, можно утверждать, что действия инициаторов интервенции часто представляют собой попытку разрешить внутренний конфликт с помощью внешнего.

Основываясь на всем вышесказанном, можно предположить наличие взаимосвязи между состоятельностью (успешностью) государства и вероятностью проведения в нем интервенционных операций. Этот тезис в настоящий момент активно поддерживается сотрудниками американского «Фонда за мир», которыми составлен перечень индикаторов, по которым производится оценка степени краха государственных образований, то есть превращения стран в так называемые «несостоятельные государства» («failed states»). Данные индикаторы разделены по следующим блокам:

1) *социальные*: наличие демографических проблем; неравенство социальных групп; численность беженцев и перемещенных лиц; отток человеческого капитала.

2) *экономические*: степень неравномерности экономического развития; уровень бедности.

3) *военно-политические*: легитимность государства; эффективность органов безопасности; соблюдение прав человека и верховенство закона; раздробленность элиты; качества и объем общественных услуг, наличие внешнего вмешательства⁸.

Каждый из этих 12 индикаторов оценивается по шкале от 0 до 10, где максимальное значение свидетельствует о наихудшем

⁸ Fragile States Index 2015. Washington: The Fund for Peace, 2015. P. 17. Mode of access: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf>

положении дел, а минимальное – о наилучшем. Таким образом, каждая страна получает рейтинговую оценку в пределах от 0 до 120. Соответственно, государства, набравшие до 30 баллов, считаются самодостаточными; государства, набравшие более 100 баллов – вызывающими тревогу. На сегодняшний день к последней группе относятся: Афганистан, Ирак, Пакистан, Шри-Ланка, Судан, Сирия, Йемен, Чад, Сомали, Зимбабве, Демократическая Республика Конго, Нигерия, Кот-д’Ивуар, Центральнаяафриканская республика, Гвинея и Гаити.

В определенном смысле, с американскими специалистами нельзя не согласиться. Наличие в стране таких проблем, как перенаселение, голод, этническая и религиозная дискриминация, «утечка мозгов», массовая безработица, народные восстания, широкое распространение наркотиков, политические репрессии, фальсификация результатов выборов, отсутствие качественного образования и медицинского обслуживания может свидетельствовать о неспособности государственных органов обеспечивать приемлемый уровень жизни населения и эффективно удовлетворять его основополагающие потребности, что часто и становится причиной зарубежной интервенции.

Определенной методологической ошибкой, допущенной авторами данной схемы, можно считать то обстоятельство, что наличие иностранного вмешательства (особенно военного) трактуется ими как один из факторов деградации государства, а не итог этого процесса. В таком ракурсе нарушается причинно-следственная связь, отражающая перерастание внутренних конфликтов во внешние. Однако, основываясь на работах «Фонда за мир» и других исследовательских организаций, а также истории военных вмешательств в дела суверенных государств за последнее столетие можно выделить несколько групп факторов оценки вероятности интервенции (см. *Таб.1*).

Вышеперечисленные факторы можно условно разделить на *достаточные*, *необходимые* и *ситуативные*.

К первой группе относятся: наличие ядерного оружия, членство в Совете безопасности ООН, эмиссия резервной валюты и

Факторы оценки риска иностранной военной интервенции

Факторы	Способствующие интервенции	Препятствующие интервенции
Социальные	- Внешняя миграция - Неестественная смертность - Неоднородность населения - Наркотизация населения	- Численность населения
Политические	- Переворот / революция - Наличие НВФ - Политические репрессии - Членство в блоке / союзе - Федеративность	- Наличие ядерного оружия - Членство в Совбезе ООН - Легитимность правительства
Экономические	- Гиперинфляция - Бедность	- Географическое положение - Эмиссия резервной валюты

Table 1. Factors of Risk Assessment in Military Intervention

государственный переворот/революция. Наличие хотя бы одного из этих обстоятельств достаточно для того, чтобы военное вмешательство с высокой степенью вероятности состоялось или, напротив, было отвергнуто вне зависимости от иных аспектов внутреннего положения страны.

В подобной ситуации оценка рисков интервенции производится по оставшимся 13 индикаторам. Среди них к необходимым можно отнести: политические репрессии, наличие незаконных вооруженных формирований и неестественную смертность. Эти факторы с одной стороны отражают наличие внутренних конфликтов в государстве, а с другой – свидетельствуют о его недостаточной эффективности в обеспечении потребностей общества в безопасности (наличие НВФ) и социальной защите (смертность, обусловленная ведением боевых действий, голодом, высоким уровнем преступности или низким качеством медицинского обслуживания).

Также большое значение имеют ситуативные факторы: внешняя миграция, неоднородность населения, членство в блоке/союзе, федеративность, гиперинфляция и бедность, а также численность населения, легитимность правительства и географическое положение. Хотя они не влияют на принятие решений о начале интервенции напрямую, при оценке соответствующих рисков они все же имеют значение. Если принять за общее правило любой военно-политической операции стремление ее инициаторов добиться максимальных результатов с мини-

мальными издержками (людскими, финансовыми и др.), то решение о вооруженном вмешательстве подразумевает учет тактических вопросов, способных облегчить или, наоборот, затруднить достижение поставленных целей.

Так, степень неоднородности населения государства в этническом, языковом, религиозном и ином отношении создает для интервентов потенциальную возможность найти союзников внутри страны, недовольных действующим правительством или подвергаемых различным формам дискриминации. В современной научной литературе по этому поводу даже был создан специальный инструмент оценки – индекс этнолингвистической франкционализации (ELF-index), который может влиять на темпы экономического роста, уровень политической стабильности, эффективность государственного управления и т.д.⁹ В конечном счете, высокая степень неоднородности населения повышает риски интервенции, например, с целью защиты единоверцев или родственных народов в случае возникновения в стране конфликтов на этнической или религиозной почве. Аналогичные последствия может иметь и массовая миграция на территорию национального государства, в котором от-

⁹ См.: Posner, Daniel N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*, 2004, Vol. 48, No. 4, pp. 849-863; Garcia, Montalvo J., Reynal-Querol M. Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth // *American Economic Review*, 2005, Vol. 95, No. 3, pp. 796-816.

ношение власти и общества к представителям иной культуры может оказаться весьма негативным, а также федеративный характер государства.

С другой стороны, даже при высоком уровне этнолингвистической франкионализации и серьезном систематическом нарушении прав отдельных групп населения препятствием для внешнего вмешательства может стать численность жителей государства. Со стороны может показаться, что большая численность жителей равнозначна большим мобилизационным возможностям, что, по идее, должно облегчать ведение боевых действий, однако в реальности ситуация выглядит гораздо сложнее. Основная проблема состоит в том, что проведение войсковой операции в большинстве случаев сопровождается разрушением объектов социальной инфраструктуры и даже целых общественных институтов, вследствие чего иностранные акторы зачастую вынуждены привлекать собственные ресурсы для обеспечения первоочередных потребностей местного населения. Интервенты будут, фактически, вынуждены допустить к потреблению производимых ими частных и общественных благ иностранных граждан, что значительно повышает нагрузку на экономику. Здесь прослеживается прямая корреляция между численностью населения государства и издержками на вмешательство в его дела.

В таком ракурсе становится ясно, что интервенция в страну с многомиллионным населением в современных условиях маловероятна, если в ней участвует недостаточно суверенных государств, способных распределить вышеупомянутую нагрузку между собой. В случае отказа от помощи местных жителям в решении социальных проблем интервенты, скорее всего, будут восприниматься как нелегитимные агрессоры, а в стране получит распространение партизанское движение.

Характерно, что вопрос легитимности в данном контексте становится одним из ключевых – наличие единственного и общепризнанного изнутри и извне правительства, пришедшего к власти законным путем и способного мобилизовать для реше-

ния актуальных военно-политических задач не только вооруженные силы, но и широкие слои населения, является одним из факторов отказа мировых держав от вмешательства во внутренние дела такого государства. Напротив, в случае падения легитимного правительства в результате переворота или революции удержать зарубежные страны от вмешательства могут только иные ситуативные факторы.

В частности, большое значение имеет и географическое положение государства – так, определенными препятствиями к организации интервенции могут служить отсутствие у страны выхода к морю, большой размер территории, тяжелые климатические условия и т. д. Все это существенно затрудняет действия войсковых подразделений, так как возникают сложности с их доставкой на ТВД, систематическим обеспечением необходимыми материалами и ресурсами, координацией операций, быстрым передвижением. Так, еще британский историк и геополитик начала XX века Х. Маккиндер в ряде научных работ отстаивал роль «Хартленда» – территории, недоступной для нападения с моря – в достижении мирового господства¹⁰. Хотя эта идея, по большей части, носила чисто теоретический характер, исследователь верно заметил, что организовать военное вмешательство в государство, имеющее выход к морю, гораздо легче, чем в страну, лишенную побережья.

Соответственно, напрашивается вывод о том, что огромность территории и большая численность населения должны гарантировать государству защиту от интервенции. Однако бывают и исключения – так, в конце XIX – начала XX века мировые державы все же смогли организовать карательную экспедицию в Китай для подавления Ихэтуаньского восстания, хотя в стране проживало почти 440 миллионов человек, а по площади она занимала одно из лидирующих мест

¹⁰ Mackinder, Halford J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, Vol. 23, No. 4, pp. 421-437; Mackinder, Halford J. *Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction*. New-York: Holt, 1942.

в мире. Для внешних сил в такой ситуации определенным выходом может стать ограниченная интервенция в нескольких ключевых регионах страны – за счет этого становится возможным избежать больших издержек с одной стороны, и нанести противнику существенный экономический и военно-политический ущерб – с другой. Именно эта схема была с успехом применена в Китае в начале XX века и закончилась неудачей в России в 1918–1919 годах.

Весьма характерно, что одной из вероятных причин организации интервенции против Цинской империи был ее негативный имидж в глазах европейских политиков и обывателей. Ключевую роль здесь играли несколько обстоятельств, среди которых главенствующее место занимали, видимо, нехристианское вероисповедание китайцев, низкие темпы научно-технического развития и распространение опиума. Действительно, современные исследования показывают, что в начале прошлого столетия в Китае наркотики употребляли около 5,4% населения страны, а годовое потребление опиума на душу населения составляло без малого 74 грамма¹¹.

Связь между наркоторговлей и международным вмешательством во внутренние дела суверенных государств наблюдалась и в иные исторические периоды – к примеру, одним из обвинений, выдвинутых Министерством Юстиции США руководству Панамы перед отправкой туда войск в 1989 году, было участие панамского лидера М. Норьеги в торговле наркотиками¹². Как следствие, войсковая операция не вызвала недовольства ни Конгресса, ни американской общественности во многом потому, что ее итогом обещало стать снижение потока наркотиков в страну.

Сходным образом в 2003 году Президент Колумбии А.У. Велец выступил с пред-

ложением пригласить американские войска в свою страну для повышения эффективности борьбы с наркоторговлей, которая представляет опасность «демократической стабильности континента в долгосрочном плане». Журналистам было сказано: «Если они посылают войска против Ирака, почему бы им не подумать о таком же количестве солдат, чтобы положить конец потоку кокаина между Колумбией и Калифорнией»¹³. Иными словами, признание наркозависимости и наркоторговли одной из глобальных проблем современности позволяет использовать морально-этическое оправдание применения военных сил против страны, страдающей от этой проблемы.

Весьма характерно, что такие страны, даже обладая суверенитетом, не имеют достаточного авторитета в глазах мирового сообщества. К падению авторитета страны на международной арене приводят также такие показатели как гиперинфляция и бедность, что формирует представление о возможности добиться военного успеха с привлечением минимальных ресурсов.

Таким образом, созданная схема оценки рисков иностранной интервенции позволяет достаточно объективно смотреть на возможность вмешательства во внутренние дела и конфликты современного государства, как с позиции вероятного противника, так и с учетом политического и экономического положения внутри самой страны. Разумеется, меняющиеся условия и механизмы взаимодействия ключевых акторов современной системы международных отношений могут способствовать выходу на «первый план» при принятии решений иных факторов и обстоятельств. Тем не менее, стремление политиков добиваться максимальных успехов с минимальными издержками вынуждает их сегодня подходить к вопросу об организации вооруженных интервенций с анализом приведенных в статье параметров объекта вмешательства, поэтому исследование данного вопроса необходимо продолжать.

¹¹ Bulletin on Narcotics: A Century of International Drug Control. 2007, Vol. LIX, №1-2, p. 43.

¹² Drugs, Law Enforcement and Foreign Policy: A Report Prepared by the Subcommittee on Terrorism, Narcotics and International Operations of the Committee on Foreign Relations United States Senate. Washington: U.S. Government Printing Office, 1989. Pp. 82-97.

¹³ Vann, Bill. Colombian President Seeks Massive US Intervention. Mode of access: <http://www.wsws.org/en/articles/2003/02/colo-f01.html>

Литература:

Blank, Stephen J.; Grinter, Lawrence E.; Magyar, Karl P.; Ware, Lewis B.; Weathers, Bynum E. Conflict, Culture, and History: Regional Dimensions. Maxwell Air Force Base: Air University Press, 1993.

Bulletin on Narcotics: A Century of International Drug Control. 2007, Vol. LIX, №1-2.

Drugs, Law Enforcement and Foreign Policy: A Report Prepared by the Subcommittee on Terrorism, Narcotics and International Operations of the Committee on Foreign Relations United States Senate. Washington: U.S. Government Printing Office, 1989. Pp. 82-97.

Fragile States Index 2015. Washington: The Fund for Peace, 2015. Mode of access: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf>

Garcia, Montalvo J., Reynal-Querol M. Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth // *American Economic Review*, 2005, Vol. 95, No. 3, pp. 796-816.

Hoffmann, Stanley. World Disorders: Troubled Peace in the Post-Cold War Era. Lanham: Rowman and Littlefield, 1998.

Huntington, Samuel. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

Kapetanyannis, Konstantinos. Socio-Political Conflicts and Military Intervention. The Case of Greece: 1950–1967: PhD Thesis. London, 1986.

Mackinder, Halford J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, Vol. 23, No. 4, pp. 421-437.

Mackinder, Halford J. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction. New-York: Holt, 1942.

Paul, Christopher. Marines on the Beach: The Politics of U.S. Military Intervention Decision Making. Westport: PSI, 2008.

Posner, Daniel N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*, 2004, Vol. 48, No. 4, pp. 849-863.

Roberts, Adam. Beyond «Dictatorial Interference» / The Empire of Security and the Safety of the People / Ed. by W. Bain. London: Routledge, 2006.

Vann, Bill. Colombian President Seeks Massive US Intervention. Mode of access: <http://www.wsws.org/en/articles/2003/02/colo-f01.html>

Камаровский Л.А. Начало невмешательства / Л.А. Камаровский. – М., 1874. – 300 с.

Garcia, Montalvo J., Reynal-Querol M. Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth // *American Economic Review*, 2005, Vol. 95, No. 3, pp. 796-816.

Hoffmann, Stanley. World Disorders: Troubled Peace in the Post-Cold War Era. Lanham: Rowman and Littlefield, 1998.

Huntington, Samuel. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

Kamarovskii L.A. Nachalo nevmeshatel'stva (The Origins of Non-intervention). Moscow, 1874.

Kapetanyannis, Konstantinos. Socio-Political Conflicts and Military Intervention. The Case of Greece: 1950–1967: PhD Thesis. London, 1986.

Mackinder, Halford J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, Vol. 23, No. 4, pp. 421-437.

Mackinder, Halford J. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction. New-York: Holt, 1942.

Paul, Christopher. Marines on the Beach: The Politics of U.S. Military Intervention Decision Making. Westport: PSI, 2008.

Posner, Daniel N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*, 2004, Vol. 48, No. 4, pp. 849-863.

Roberts, Adam. Beyond «Dictatorial Interference» / The Empire of Security and the Safety of the People / Ed. by W. Bain. London: Routledge, 2006.

Vann, Bill. Colombian President Seeks Massive US Intervention. Mode of access: <http://www.wsws.org/en/articles/2003/02/colo-f01.html>

References:

Blank, Stephen J.; Grinter, Lawrence E.; Magyar, Karl P.; Ware, Lewis B.; Weathers, Bynum E. Conflict, Culture, and History: Regional Dimensions. Maxwell Air Force Base: Air University Press, 1993.

Bulletin on Narcotics: A Century of International Drug Control. 2007, Vol. LIX, №1-2.

Drugs, Law Enforcement and Foreign Policy: A Report Prepared by the Subcommittee on Terrorism, Narcotics and International Operations of the Committee on Foreign Relations United States Senate. Washington: U.S. Government Printing Office, 1989. Pp. 82-97.

Fragile States Index 2015. Washington: The Fund for Peace, 2015. Mode of access: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf>

FACTORS OF FOREIGN MILITARY INTERVENTION RISK ASSESSMENT IN THE MODERN WORLD

Andrei A. Ivanov

*Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine,
Saint Petersburg, Russia*

<p>Article history: Received: 24 January 2016 Accepted: 01 June 2016</p>	<p>Abstract: The starting point of the conclusions of politicians and experts was the recognition of the changed nature of threats to the New World Order. In post-Westfalia system of international relations the main actors are not sovereigns, but transnational actors of world politics, including transnational terrorist and criminal networks. In this situation, the support of global security threat serves the underground world – terrorists, shady business structures, failed states. The unconventional nature of the threat to peace and stability of the New World Order requires an equally innovative response which transcends the formal constraints of international law and the traditional doctrine of deterrence. An analysis of the U.S. foreign policy concepts suggests that today’s academic and political community has promoted consensus of neoliberals and neoconservatives, supporters of the institutional functionalism and representatives of the school of Realpolitik. This consensus was based on the recognition of the admissibility of pre-emptive strikes on the territory of failed states, sponsoring international terrorism, or the implementation of open interference in the internal affairs of “rogue states” for human rights and democratic freedoms guarantee.</p>
<p>About the author: Candidate of History, Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine e-mail: ivanova85@list.ru</p>	
<p>Key words: intervention; conflict; instability; indicators.</p>	

Для цитирования: Иванов А.А. Факторы оценки риска иностранной военной интервенции в современном мире // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 25-32.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-25-32

For citation: Ivonina Ivanov, Andrei A. Faktory otsenki riska inostrannoi voennoi interventsii v sovremennom mire (Factors of Foreign Military Intervention Risk Assessment in the Modern World) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 25-32.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-25-32